

Б. Л. ПАСТЕРНАК

ПИСЬМА к М. А. ВОЛОШИНУ и О. Д. ФОРШ

Публикация Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака

1

Публикуемое письмо Б. Л. Пастернака к М. А. Волошину — единственное непосредственное свидетельство их знакомства. Оно не датировано, но время его написания легко устанавливается из текста письма Пастернака к М. И. Цветаевой от 20 апреля 1926 г.: «Мне понадобилось написать Волошину и Ахматовой. Два запечатанных конверта скоро легли в сторону».¹ Письмо Анне Ахматовой датировано 17 апреля 1926 г.²

Остановимся на обстоятельствах биографии корреспондентов, необходимых для понимания контекста письма.

Тяжелые годы первой мировой и гражданской войн коренным образом изменили жизненный обиход поэта-«европейца» Волошина. Не имея возможности осуществлять, как прежде, заграничные поездки и знакомства, он обратил все внимание на то, чтобы в своем коктейбельском доме в Крыму создать своеобразное средоточие культуры и искусства. Этот дом и до мировой войны служил пристанищем многим друзьям Волошина, теперь же летом сюда стал съезжаться все расширяющийся круг людей из артистического и ученого мира.

Лишения военных лет сказались на здоровье М. А. Волошина; тяжелым ударом для него была смерть матери (8 января 1923 г.). Заботы о Волошине и его доме к этому времени взяла на себя Мария Степановна Заболоцкая (1887—1976), ставшая его женой и главной опорой. Она сумела создать удивительную атмосферу этого дома и продлить его притягательность и обаяние на 45 лет после смерти Волошина.

¹ Вопросы литературы, 1978, № 4, с. 240.

² ЦГАЛИ, ф. 13 (фонд А. А. Ахматовой), оп. 1, № 149.

17 августа 1925 г. в Коктебеле отмечалось 30-летие литературной деятельности Волошина. Число участвующих в чествовании составило около 170 человек, а вообще летом 1925 г. у Волошина в доме перебивало человек 400, как отмечают записи, хранящиеся в Коктебеле. Среди них были Л. М. Леонов, М. А. Булгаков, Ю. Н. Верховский, Е. Л. Ланн, С. В. Шервинский, Ф. А. Петровский, А. Н. Толстой, С. З. Федорченко. Именно С. З. Федорченко, вернувшись в Москву, взяла на себя инициативу организации вечера в пользу Волошина. М. А. Волошин сам собирался на него приехать, но не смог. Вечер состоялся 1 марта 1926 г. в помещении Государственной Академии художественных наук (ГАХН) на Пречистенке, ныне Кропоткинской улице.

9 марта 1926 г. Пастернак писал об этом вечере: «Недавно тут был вечер в пользу Волошина, без афиш, устроенный знакомыми для знакомых, миром Пречистенки и Арбата. Собрали 470 рублей. Я в нем участвовал».³ В дневнике поэта Л. В. Горнунга, хранящемся в его личном архиве в Москве, подробно описана программа вечера: «1 марта 1926 г. Сегодня в ГАХНе был устроен литературно-художественный вечер с благотворительной целью для помощи поэту М. Волошину, стихи которого сейчас не печатаются. М. Булгаков прочел по рукописи „Похождения Чпчикова“, как бы добавление к „Мертвым душам“. Писатель Ю. Слезкин, который больше был известен до 1917 г., прочел свой рассказ „Бандит“. Б. Пастернак читал два отрывка из поэмы „1905 год“ — „В студии отца“ и „Броненосец «Потемкин»“. Поэт С. Шервинский прочел четыре „Киммерийских сонета“, один из них, о художнике К. Ф. Богаевском, мне очень понравился. Поэт П. Антокольский читал свои старые и новые стихи. Пианист С. Файнберг играл свои фортепианные произведения. Актер Московского Камерного театра Румнев исполнил „Гавот“ С. Прокофьева в своей постановке. Он надел костюм шута и прыгал очень высоко. Писатель В. Вересаев прочел отрывки из своей автобиографической повести».

Деньги, вырученные за вечер, пошли на требовавшийся уже давно ремонт дома, о чем Волошин писал Н. А. Габричевской 13 марта 1926 г.⁴ В благодарность за организацию и участие в вечере Волошин послал свои акварели Федорченко, Булгакову, Пастернаку. На присылку акварели с надписью и приглашением в Коктебель Пастернак и отозвался публикуемым письмом.

Б. Л. Пастернак в это время работал над поэмой «Лейтенант Шмидт». Весной была окончена и сдана в журнал первая часть. Вторая, по замыслу автора, содержала описание Севастопольского рейда и панораму восстания на Черноморском флоте. Намерение съездить в Севастополь, чтобы написать эту картину с натуры, совпало с приглашением Волошина. Срочность работы не давала Пастернаку возможности думать о предстоящем отдыхе в Коктебеле, но можно было позволить себе несколько дней, чтобы увериться в правдивости восторженных описаний волошинского дома, о котором он много слышал от друзей, главным образом

³ Письмо к И. А. Груздеву, см.: Архив М. Горького, ФГ 8-8/8.

⁴ ИРЛИ, ф. 562.

от А. И. Цветаевой. Ее влюбленность в Коктебель занимает большое место также в ее книге «Воспоминания».⁵

По многим причинам, в частности денежным, Пастернаку так и не удалось поехать в Крым, хотя он еще долго лелеял эту надежду. В середине августа 1926 г. он писал своей жене, проводившей лето в Германии: «Я позволю это себе только после того, как сдвину с места II-ю часть Шмидта, которая очень в последнее время застряла на одной трудной главе. Следовало бы мне съездить в Севастополь посмотреть бухты и некоторые важные места. Но меньше чем в 50 руб. эта поездка обойтись не может, а такую сумму я сейчас свободно не располагаю. Зато думаю съездить с тобой, когда ты вернешься. Очень об этом мечтаю. Мне кажется, что ты дунешь, плюнешь и достанешь те сто рублей, которые эта поездка будет стоить» (Семейный архив Б. Пастернака).

Основное содержание письма к Волошину — судьба Марины Цветаевой и восхищение ее «Поэмой Конца». Знакомство с этой поэмой стало для Пастернака решающим моментом в его отношении к Цветаевой и переписке с нею. Ранее покоренный ее лирическими стихами (особенно высоко он ставил «Версты»), Пастернак теперь поддал под обаяние поэмы, почувствовал, что в мире существует нечто соизмеримое с его собственными намерениями — то стремительное, живое, одухотворенное начало в поэзии, которому он служил и которое больше всего ценил; он увидел возможность плодотворного существования, поверил в свои силы.

Значительно позже он выразил это чувство в письме к дочери Цветаевой Ариадне Эфрон: «В течение нескольких лет меня держало в постоянной счастливой приподнятости все, что писала тогда твоя мама, звонкий, восхищающий резонанс ее рвущегося вперед, безоглядного одухотворения. Я для вас писал „Девятьсот пятый год“ и для мамы — „Лейтенанта Шмидта“».⁶ Под впечатлением поэмы Цветаевой Пастернак ходил к знакомым, чтобы читать ее. Ему хотелось всех приобщить к своей радости. Он обрушил на Цветаеву целый поток восторженных писем, следующих одно за другим: «Я четвертый вечер сую в пальто кусок мглительно-слякотной, дымно-гуманной ночной Праги, с мостом то вдаль, то вдруг с тобой, перед самыми глазами, качу к кому-нибудь, подвернувшемуся в деловой очереди или в памяти. И прерывающимся голосом посвящаю их в ту бездну ранящей лирики, микельанджеловской раскидистости и толстовской глухоты, которая называется Поэмой Конца. Попала ко мне случайно, ремингтонированная, без знаков препинания <...> Какой ты большой, дьявольски большой артист, Марина!».⁷

Зная о том, как высоко оценил Волошин первые шаги М. Цветаевой в литературе,⁸ какой заботой он окружил ее на ранних порах поэтического становления, помня о гостеприимстве, которым пользовались сестры

⁵ Цветаева А. Воспоминания. М., 1974, с. 402—415.

⁶ Звезда, 1975, № 6, с. 170. Письмо написано в октябре 1951 г.

⁷ Там же, с. 165.

⁸ См.: Волошин М. Женская поэзия. — Утро России, 1910, № 323, 11 декабря.

Цветаева в Коктебеле с 1911 по 1917 г.,⁹ Пастернак не мог не поделиться этой радостью с Волошиным.

Возможно, из писем Цветаевой Пастернак знал, что Волошин не ответил на ее весть из-за границы и это положило конец их многолетней переписке.¹⁰ Пастернак пишет Волошину не только по поводу восхитившей его поэмы, но говорит и о том особом месте, которое Цветаева заняла в эмиграции, о принципиальности ее творческих позиций. Волошин, видимо, не ответил на это письмо, но через год, 13 марта 1927 г., он виделся с Пастернаком во время своего очередного пребывания в Москве.¹¹

Публикуемое нами письмо Пастернака хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома, в фонде Волошина (ф. 562, оп. 3, № 935).

«Москва. 17—20 апреля 1926».

Глубокоуважаемый Максимилиан Александрович!

До глубины души тронут Вашим незаслуженным подношением, усиливающим, сверх обычной меры, давнишнее желание увидеть все это своими глазами.¹

Боюсь, что и я злоупотреблю Вашим редким гостеприимством и, кажется, воспользуюсь Вашим любезным приглашением. Впрочем, опасность пока еще не очень велика. Вероятнее всего мне придется летом остаться в городе, к которому я буду привязан работой. Жену с ребенком я хочу отправить на лето к родным за границу,² что и потребует, вероятно, непрерывного, непривычного и вряд ли, по его размерам, осуществимого заработка. Но, может быть, как раз в разгаре этой каторги предмет самой работы заставит меня съездить на несколько дней в Крым, и мое предположение, таким образом, не целиком измышлено.

Из всего того, что я о Вас знаю, слагается прекрасный и притягательный образ. Из рассказов о Вас я всего более люблю слова А. Цветаевой, т. е. ее воспоминанья, характеристики, рассуждения о Вас. И вот дорожа Вашей дружбой с обеими сестрами, я, думаю, порадуя Вас, если сообщу, что Марина Ивановна пишет замечательные вещи, из которых одна, попавшая ко мне случайно, в частично искаженном перепискою виде, «Поэма конца», привела меня в крайнее волнение высотой и разрядом своих достоинств.

Эта вещь написана большим поэтом, написана не по-женски счастливо, с большим чувством и, что важнее, с большим знанием его природы. Но я бы никогда не решился подступить к кому бы то ни было с утверждениями, основанными на личном впечатлении, то есть убежденности не стал бы выдавать за истину,

⁹ См.: Цветаева М. Письма к М. Волошину. Публикация В. П. Купченко. — В кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977, с. 151—157.

¹⁰ Там же, с. 184—185.

¹¹ Дата приезда М. А. Волошина в Москву и некоторые другие сведения сообщены нам В. П. Купченко, которому выражаем благодарность.

если бы меня в моем чувстве не поддерживали известия, идущие из-за границы.

Она пользуется там большим и возрастающим успехом, главным образом среди молодежи.³ Сколько могу судить по отрывочным сведениям, ее общая позиция очень независима и, кажется, не облегчена никаким подспорьем стадности, как это ни трудно в наши времена, когда одно уже местонахождение человека кажется что-то говорящим о нем. Разумеется, она в эмиграции, но от этого до того, что зовется «ориентацией», очень далеко. Говорят, она всех чуждается и дружит только с Ремизовым.

Еще раз горячо Вас благодарю за подарок и приглашение. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Б. Пастернак.

¹ Акварель Волошина с его надписью-приглашением в архиве Пастернака не сохранилась.

² Евгения Владимировна Пастернак с сыном ездили в Германию к родителям Б. Пастернака на июль—август 1926 г.

³ Имеются в виду участие Цветаевой в молодом журнале «Версты» (Париж) и статьи о ней Д. П. Святополк-Мирского. В статье «О Мблодце» (Современные записки, Париж, 1926, № 27, с. 569) Святополк-Мирский называет Цветаеву первым поэтом современности.

2

Знакомство Пастернака с О. Д. Форш, видимо, произошло через Н. С. Тихонова, который дружил с Ольгой Дмитриевной с первых своих шагов в литературе, был многим ей обязан и в свою очередь впоследствии помогал ей и поддерживал ее.

Самостоятельность писательской позиции и художественное своеобразие неизменно трогали Пастернака. Это тем более сказалось в его отношении к Форш, художнику старшего поколения, обладающему несомненным писательским авторитетом. Чувством неподдельного интереса проникнуто единственное сохранившееся в архиве Форш (ф. 732, оп. 2, № 178) письмо Пастернака с оценкой ее «Московских рассказов» и первой части романа «Горячий цех».

Мы не знаем, где и при каких обстоятельствах познакомились Пастернак и Форш. Однако в августе 1926 г. они были уже знакомы, потому что Пастернак в письме к жене от 27 августа рассказывает о визите к нему Форш: «Ко мне зашла как-то Ольга Дмитриевна Форш со своим вышедшим на днях романом. Между нами завязался разговор, чрезвычайно тягостный и для меня большой неловкости. Произошла эта неловкость оттого, что ей во что бы то ни стало хотелось что-то очень лестное и приятное мне сказать, действительных же побуждений к тому, кроме намерений, не имелось. Это чувствовалось, и никакая философия веков и народов, в которую все больше и больше углублялась О. Д., замолчать этого не могла. Между тем эта достойная женщина и прекрасная писательница ничуть не была бы хуже без своих Сизифовых комплиментов. Разговор затягивался и становился бездонно однообразен именно

по причине сразу же ощутившегося неблагополучия» (Семейный архив Б. Пастернака).

Форш принесла Пастернаку роман «Современники» (М.—Л., 1926), и Пастернак, прочтя его на следующий день, так пишет об этом в том же письме к жене: «Это очень увлекательная книга, восходящая к материалам захватывающей значительности (Ал. Иванов и Гоголь в Риме и затем к концу — в России). Все эти сутки я с ней не расставался».

Темы, затронутые в романе Форш: «Италия, трагедия творчества (аскетическое самоучительство Гоголя — робкий и таящийся от людей гений Иванова)», взволновали Пастернака в это творчески и психологически напряженное для него время. Возможно, свои впечатления Пастернак успел сразу же высказать Форш, поскольку через несколько месяцев ему была послана автором следующая книга — «Московские рассказы» (Л., 1926).¹

Из письма, написанного в ответ на присланную книгу, мы узнаем, что Пастернак сразу же начал ее читать. Первые рассказы о жизни Сухаревки и ее окрестностей увлекли его народной сочностью языка и красочностью описаний. Пастернак с профессиональной серьезностью относился к вопросам языка, всемерно расширяя словарь в своих собственных поэтических и прозаических работах. «Мы втаскиваем вседневность в прозу ради поэзии. Мы вовлекаем прозу в поэзию ради музыки»,² — писал он в «Охранной грамоте», понимая под этим и включение в литературу обыденного языка улицы. Пастернак всегда очень внимательно прислушивался к народной речи, запоминал характерные выражения. Язык многих персонажей его прозаических произведений колористичен, обнаруживает хорошее знание автором разговорной речи. Сохранились записи диалектных и простонародных выражений, подслушанных в Чистополе на Каме, где Пастернак был в эвакуации в 1942—1943 гг. Отдавая должное «густому бытовому цукату» «Московских рассказов» Форш, Пастернак признает свое отставание в его знании и даже позволяет себе слегка усомниться в полном правдоподобии приведенных частных фактов. Затем он пишет, что дальнейшему чтению и наслаждению книгой помешала необходимость срочной работы.

Дело в том, что начатая в марте 1926 г. поэма «Лейтенант Шмидт» печаталась по частям в «Новом мире», который с начала 1927 г. неизменно требовал ее продолжения из номера в номер. Работа над поэмой была остановлена внезапным известием о смерти Р.-М. Рильке, кумира Пастернака и вдохновителя его творчества. Пастернак так писал об этом в анкете журнала «Читатель и писатель» (1928, № 4—5): «Я обещал себе по окончании „Лейтенанта Шмидта“ свидание с немецким поэтом, и это подстегивало и все время поддерживало меня. Однако мечте не суждено было сбыться — он скончался в декабре того же года, когда мне оставалось написать последнюю часть поэмы, и весьма вероятно, что на построении ее последних страниц отразилась именно эта кончина».

Пастернак вернулся к чтению «Московских рассказов» после того, как ему попалось на глаза начало романа «Горячий дех», напечатанное

¹ Книги Форш в архиве Пастернака не сохранились.

² Пастернак Б. Охранная грамота. Л., 1931, с. 22.

в журнале «Звезда» (1926, № 6). Подробностями восстания на броненосце «Потемкин», включенными в текст под видом рассказа его участника Полищука, этот роман особенно заинтересовал Пастернака, недавно кончившего поэму «Девятьсот пятый год», одна из частей которой, «Морской мятеж», была написана по свидетельствам участников этого же восстания. И действительно, некоторые обороты речи Полищука дословно совпадают со стихотворными строчками поэмы. Угадывается серьезное отношение обоих авторов к историческим источникам и верность им.

Впечатления от чтения романа отодвинули для Пастернака на задний план достоинства «Московских рассказов». В своих работах о первой русской революции Пастернак особенно остро ощущал, как «навязана» история человеку, приобщенному к ней, как и к жизни всей вселенной. Описывая исторические события, он всегда стремился уйти от патетики в живые детали быта и характеров. Об этом намерении сам он говорил так: «Автор, пользуясь материалами того времени для своей поэмы, подходил к ним без романтики, реалистически, видя в задачах обеих поэм («Девятьсот пятый год» и «Лейтенант Шмидт») картину времени и нравов, хотя бы и в разрезе историко-революционном». Это встречало непонимание и недооценку произведения со стороны большинства, даже людей «такой смысловой восприимчивости, как Цветаева и Маяковский. Обязательная *приподнятость* в трактовке героя и героической стихии предполагалась настолько сама собою, что намеренная и умышленная психологическая и бытовая обыденщина некоторых частей поэмы была оценена [Цветаевой] как недостаточная их проникновенность, как нехватка пафоса и неудача».³

У Форш Пастернак отметил в принципе аналогичный подход к событиям. В своей оценке он подчеркивает убедительность сказанного ею при полном отсутствии навязываемой дидактики, так что читатель сам мог додумывать за автора «безотчетно легшие ему в руку положенья».

Вернувшись после чтения романа снова к «Московским рассказам», Пастернак с особым чувством прочел рассказ «Во дворце труда», построенный на живых воспоминаниях автора о юношеских годах, проведенных в стенах Николаевского института. Он выделил его из всех прочих, отметив, что в нем новизна перемеп, описанию которых посвящены и другие рассказы, измеряется «мерой задумчивости далеко назад оглядывающегося человека» и что он ставит эту вещь на одну высоту с романом «Горячий цех».

Писать Пастернака к Форш приобретает особое значение в общем контексте его эпистолярного наследия. В письмах он постоянно говорит о нежелании анализировать и оценивать присылаемые ему работы в стихах и прозе. В начале двадцатых годов он высказывал даже сомнение в правомерности эстетического суждения как такового в силу неизбежного произвола, лжи и необоснованности оценок. «Мне кажется — эстетики не существует в наказание за то, что она лжет, прощает, притворствуется и свисходит»,⁴ — писал Пастернак в статье «Несколько положений».

³ Записано А. Крученых в его машинописных тетрадах «Встречи с Цветаевой» 1944 г. (хранятся в семейном архиве Б. Пастернака).

⁴ Современник, 1922, № 1.

Публикуемое письмо Пастернака, хранящееся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, относится к тем редким случаям, когда Пастернак считал себя обязанным откликнуться на прочитанное и выделить наиболее поразившие его моменты.

1 II <19>27.

Глубокоуважаемая и дорогая Ольга Дмитриевна!

Моему свинству должен быть наконец положен предел. Наперед это мне послужит наукой. Надо давать выражение естественной радости тотчас по вскрытии бандероли, не дожидаясь того, как сложится чтение присланного и что именно ему помешает. Примете ли Вы теперь мое столь запоздалое и слишком, вероятно, для Вас остывшее спасибо?

Тем временем я успел прочесть и чудесный Ваш «Горячий цех». Наверное, я ничего не понимаю, но при однородной, сизифовой, навязанной (как, вообще говоря, навязана человеку история) задаче, позволяющей ставить «Московский рассказ» в параллель с Вашими последними работами, высоты «Цеха» больше других достигает рассказ «Во дворце труда». Как раз по этой вещи и ложится моя благодарность Вам, быть может оставив недооцененными другие. Рядом с вещами, измеряющими новизну набежавших перемен мерой задумчивости далеко назад оглядывающегося человека, простые описания этих перемен, как бы они ни были художественны, необходимо проигрывают. Но не все драмы писать, скажете Вы, и будете правы,

На «Салтычихине гроте» застали меня неожиданные затруднения, о которых не стоит говорить, и, не успев Вас вовремя поблагодарить за доставленное наслаждение, за память и надпись, я должен был на время позабыть обо всем на свете ради одной не в меру затянувшейся работы. Тогда, до «Цеха» и «Дворца труда», я с восхищением глазел на Ваш густой бытовой цукат, так далеко отставая от Вас в его знании, что не всегда он мне казался правдоподобным. В том же, что в последнем заключении я, вероятно, не отдал ему должного, виноваты только Вы и Ваша последняя вещь. Рассуждать о ее достоинствах в подкрепление своего чувства вряд ли было бы удобно: Вы вправе этим не интересоваться. Все, что Вам нужно для Вашего общественно-исторического расчета от фактов, взято Вами так, что точно лишь случившийся вовремя читатель додумывает за Вас эти, безотчетно легшие ему в руку положенья. Таков в особенности конец вещи.

Как Ваше здоровье, Ольга Дмитриевна?

Вполне ли Вы оправились после московского ухаба? Еще раз горячо Вас благодарю за все. От души желаю Вам работать и дальше с тем же увлечением, как и над напечатанной частью.

Преданный Вам

Б. Пастернак.